

УДК 81'38

КОРНЕСЛОВНЫЙ ПОВТОР КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И.А. БУНИНА

ПЭЙ Лиминь,

аспирант кафедры русского языка и теории словесности,
Московский государственный лингвистический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу корнесловного повтора как особого художественного приема в поэтических текстах И.А. Бунина. Научная новизна работы определяется комплексным описанием формальных и содержательных особенностей корнесловного повтора в индивидуальном стиле И.А. Бунина с учетом расположения однокоренных слов в строке и строфе, а также звукового строя микроконтекста. В статье рассматриваются конструктивные особенности данного приема, его участие в формировании дополнительных смыслов, в высвечивании авторских концептов. Результатом проведенного исследования является расширение знаний об индивидуально-авторском стиле И.А. Бунина, с одной стороны, и о выразительном потенциале корнесловного повтора – с другой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: корнесловный повтор, художественный прием, поэтический текст, смысл, концепт, созвучие, экспрессивность.

ROOT-REPETITION AS AN ARTISTIC DEVICE IN THE POETIC TEXTS OF I.A. BUNIN

Pei Limin,

Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Literature Theory,
Moscow State Linguistic University

ABSTRACT. The article is devoted to the root-repetition analysis as a special artistic device in the poetic texts by I. A. Bunin. The scientific novelty of the work is determined by the complex description of formal and content features of root-repetition in the individual style of I. A. Bunin, taking into account the location of the same root words in the line and stanza, as well as the sound structure of the microcontext. The article discusses the design features of this device, its participation in the formation of additional meanings, in highlighting the author's concepts. The result of the study is the expansion of knowledge about the author's individual style of I. A. Bunin, on the one hand, and the expressive potential of the root-repetition – on the other.

KEY WORDS: root-repetition, artistic device, poetic text, meaning, concept, harmony, expressiveness.

Понятие «корнесловный повтор» углубленно разрабатывается русистикой всего лишь полвека, несмотря на то что само явление можно обнаружить в древнейших памятниках словесного творчества. Проблема понятий, объединенных одним корнем, не раз освещалась в научных исследованиях, но работ, подробно рассматривающих корнесловный повтор как особый художественный прием, недостаточно, что обуславливает актуальность его научного описания и комплексного анализа характеристик и функций.

До сих пор не выработано единого мнения относительно языковой природы корнесловного повтора. С.И. Гиндин рассматривает его как один из видов лексического повтора [3]. Таких же взглядов придерживается И.И. Ковтунова [7, с. 7]. Р. Катаян [6, с. 110] относит корнесловный повтор к явлениям морфологического уровня. Мы разделяем мнение Н.А. Кожевниковой и Н.А. Николиной о том, что повторение однокоренных слов, равно как и слов, образованных по одной и той же словообразовательной модели, является одним из основных видов словообразовательного повтора [8, с. 823]. Д.С. Лихачев в своей работе «Поэтика древнерусской литературы» упоминает о повторении однокоренных слов как о способе создания стиля «плетение словес» и перечисляет некоторые его функции в древнерусской прозе, но все-таки он не углубляется в изучение этого приема [9, с. 388]. Рассматривая

корнесловный повтор, Л.В. Зубова заключает, что «сближение однокоренных слов в словосочетании, в стихотворной строке, строфе, а также в более крупных, но структурно объединенных контекстах, является одним из проявлений такого универсального и эмоционального по своей природе приема, как повтор» [5, с. 13].

Опираясь на научные исследования в этой сфере, автор диссертационного исследования «Корневой повтор в художественной речи М.И. Цветаевой» [10] и статьи «Терминообозначение "корневой повтор" в теоретическом освещении» А.М. Надежкин дает следующее определение: «Корневой повтор – это сближение однокоренных слов в словосочетании, в стихотворной строке, строфе, а также в более крупных, но структурно объединенных контекстах, с целью актуализации этимологической, ассоциативной, символической информации, а также в других поэтических функциях путем повторения корней в ключевых словах» [11, с. 452]. Мы разделяем понимание термина исследователем, но не ограничиваем корнесловный повтор поэтическими текстами, учитывая достаточно частое употребление этого приема в прозе И.А. Бунина, где он нагружен значительными смысловыми и структурными функциями. Кроме того, в данной статье для обозначения этого приема мы будем вслед за А.Г. Грек [4] использовать термин «корнесловный повтор».

Корнесловный повтор в поэтических текстах И.А. Бунина является многообразным по формальным языковым характеристикам и структуре. Так, по расположению слов, содержащих повторяющиеся

ся корни, мы выделяем два типа повтора: контактный и дистантный. Под контактным корнесловным повтором понимается такой повтор, при котором компоненты следуют один за другим непосредственно: *И часто, вместе с малярами, / Там пели песни. И Христа, / Что слушал нас в веселом храме, / Мы написали неспроста* («Новый храм») [1, с. 201].

Дистантный корнесловный повтор – это повторения, при которых компоненты «отделены друг от друга одним словом, несколькими словами, одним или несколькими предложениями» [10, с. 58]. В поэтических текстах повторяющиеся элементы могут отделяться целыми строфами, но при этом они объединены звуковой, смысловой и структурной связями: *Поют над ним узорной вязью саги, / Беззвучные, на звучном языке* («Без имени») [1, с. 254]; *Грибы сошли, но крепко пахнет / В оврагах сыростью грибной* («Не видно птиц. Покорно пахнет...») [2, с. 21]; *Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес. / Но мирно розовый мерцает Антарес / На южных небесах, куда прозрачным дымом / Нисходит Млечный Путь к лугам необозримым. // С опушки на луга гляжу из-под ветвей, / И дышит ночь теплом, и сердце верит ей, – / Колосья божьих нив, на гнездах смолкшим птицам, / Мерцанью крохотных звезд и ласковым зарницам* («Враждебных полон тайн на взгорье спящий лес...») [2, с. 35]. Следует отметить, что в поэзии И.А. Бунина дистантные корнесловные повторы преобладают над контактными, это объясняется тем, что первые обладают большими возможностями в создании цепочек созвучий, а также смысловой и композиционной целостности поэтического текста.

Корнесловные повторы у И.А. Бунина бывают однословными, двусловными, трехсловными и четырехсловными по количеству языковых единиц с одинаковым корнем. Однословные повторы (*давным-давно*), являясь устойчивыми образованиями и не будучи стилистическим приемом, остаются за пределами нашего исследования. Двусловными повторами считаются те, что состоят из двухкомпонентов, объединенных одним корнем, например: *Исчастье жизни вечно новой, / И о былом счастливым сон* («Венеция») [2, с. 123]. Согласно результатам нашего исследования в стихах И.А. Бунина наибольший процент корнесловного повтора составляют двусловные, в частности построенные из имен существительных в сочетании с признаковыми словами – прилагательными или глаголами.

Под трехсловными повторами понимаются такие, которые состоят из трех компонентов, объединенных одним корнем: *Догорел апрельский светлый вечер, / <...>Звездный свет в молчании ночном. / По лощинам, звезды отражая, / Ямы светят тихую водой, / Журавли, друг друга окликают, / Осторожной тянутся гурьбой* («Догорел апрельский светлый вечер») [2, с. 26].

Соответственно четырехсловные повторы состоят из четырех компонентов, объединенных одним корнем: *Набегают впотьмах / И узорною пеною светится / <...> Пылью света, и звезды над морем горят. / В полусвете все видно: и рифы, и взморье горькальное, / И обрывы прибрежных холмов. / В полусвете ночном / Под обрывами волны качаются – / Переполнено зыбкое, звездное зеркало волн! / <...> Море светит сквозь сумрак таинственно, тонко и трепетно, / Озаряя песчаное дно* («Набе-

гает впотьмах») [1, с. 126]. Многословные повторы часто дистантны, причем перекличка их создает благозвучность и музыкальность. О таком феномене Д.С. Лихачев справедливо пишет: «Иногда созвучия приходят через довольно длинный отрывок текста, вступая в чередование с другими созвучиями и создавая его особую музыкальность» [9, с. 394].

Отметим, что чередование двух и более (до 21) групп корнесловных повторов с разными корнями в одном стихотворении активно используется И.А. Буниным как средство создания созвучий. Выделяются 4 основных типа чередования: смежный (аабб), перекрестный (абаб), кольцевой (абба,) и более сложный – сплетенный (аабвв, абвабв, абвва, абвабгв). Для наглядности приведем следующие примеры на некоторые случаи:

И темней ночное было небо – / Издалека в темноте ночной / Веяло весенним ароматом, / Веяло грядущую весной («Три ночи») (аабб) [2, с. 32];

Вот меркнет даль, / Темнеет сад, краснее запад рдеет, / В холодной и безмолвной красоте / Все застывает, медленно мертвеет, / И веет холод ночи на меня, / И я стою, безмолвием объятый... («В пустынной вышине...») (абаб) [2, с. 35];

Зарю она улетела на дальний Дунай – / И горе забудет. Но жизнь дорожит и рыбалкою: / Ей надо помучить кого-нибудь песенкой жалкою – / И Груня жалкует, поет... Вспоминай, вспоминай! («Рыбалка») (абба) [1, с. 230].

Не случайно порядок чередования разных групп корнесловных повторов в стихах И.А. Бунина совпадает с системой рифмовки. Поэт пытается выявить больше средств организации поэтических текстов. Такие чередования обеспечивают единство общего тела стиха, с одной стороны, с другой – не мешают выделению строф, имеющих собственную завершенную рифмовку.

Если рассматривать корнесловные повторы с точки зрения синтаксических отношений между компонентами, то можно выделить модели с различными связями, такими как подчинение, сочинение, координация, опосредованная связь в цепочке с подчинением, сочинением или уточнением и т. д. При этом заметное место в поэзии И.А. Бунина занимают корнесловные повторы, связанные координацией, поскольку они отличаются эмфатичностью, близостью созвучия, способностью к образной детализации и формированию дополнительных оттенков смысла. Так, например, в строфе *В жизни краткой и печальной / Светит только безначальный, / Непорочный свет любви!* («Эпиталама») [1, с. 97] поэт, подчеркивая созвучие однокоренных слов *светит* и *свет*, в то же время выделяет ключевые для данного текста слова *свет* и *любовь*. Как правило, прилагательные, такие как *безначальный* и *непорочный*, не сочетаются с существительным *свет*, но в рассматриваемом случае слова воздействуют на читателя не столько своей логической стороной, сколько общими значительными впечатлениями и ассоциациями, вызванными созвучиями и ритмом, которые и усиливают экспрессивность стихотворного текста. Еще один важный момент: И.А. Бунин как человек верующий пытается увидеть во всем вечную, божественную сущность, а свет в художественных представлениях поэта имеет божественную природу. В приведенном контексте корнесловный повтор нужен еще и для указания на внутреннюю, религиозную сущность любви.

В примере *Все тот же зной и дикий запах лука/ В телесном запахе твоём, / И та же мучит сладостная мука, – / Бесплодное томление о нём*(«Встреча») [2, с. 162] корнесловный повтор рассчитан на усиление значения, на привлечение внимания читателя к выделенному понятию, при этом необычное сочетание с оксюморонами (*сладостная мука*) позволяет подчеркнуть присущие человеческим чувствам противоречия, сложность и многогранность психической деятельности лирического героя.

Корнесловный повтор как художественный прием выполняет целый ряд функций, и самая фундаментальная из них заключается в выделении ключевых для данного поэтического текста слов. При этом автор свободен в структурировании текста и в выборе места для повтора, благодаря чему читательское внимание к микроконтексту однокоренных слов и их смыслу обостряется.

А.Г. Грек отмечает, что корнесловный повтор является тем узлом, который связывает три слоя текста: его фонику, смысловую и грамматическую организацию [4, с. 206]. При этом исследователь считает, что основные функции корнесловного повтора – смысловая и композиционная. Действительно, этот вид повтора позволяет создать приращения смысла или выделить общее между однокоренными словами. Проанализируем следующий пример:

*Настанет день – исчезну я,
А в этой комнате пустой
Все то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.*

<...>

*И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой
(«Настанет день – исчезну я») [2, с. 143].*

Здесь повторение однокоренных слов *пустой* и *пустынный* в сильных позициях конца строки и близкой к концу её части привлекает внимание читателя к общему смыслу двух слов – «безлюдный», подчеркивает мотив произведения – печаль лирического героя, осознающего, что человек рано или поздно исчезает без следа, лишь мир остается таким же прекрасным, как прежде, не замечая изменения и исчезновения человеческой жизни. Эта пара однокоренных слов представляет собой «звуковой повтор при единстве вещественной части слов, что несомненно усиливает эту вещественную часть» [12, с. 105].

Д.С. Лихачев выдвинул понятие «прибавочный элемент» при изучении стиля «плетение словес» в древнерусской литературе. Он пишет, что «прибавочный элемент» в поэтическом слове имеет ту особенность, что он оказывается в чем-то общим для целой группы слов. Он разрушает обособленность, изолированность слова, сливается с «прибавочными элементами» всей группы слов, вырастает в контексте поэтической речи и над ее контекстом. Иными словами, «прибавочный элемент» борется с отдельным словом, стремится преодолеть смысловую и эмоциональную изолированность слова, создает «сверхсмысл», объединяющий всю поэтическую речь, определяющий ее художественное единство [9, с. 382]. Д.С. Лихачев пишет далее: «Этот "сверхсмысл" не противоречит "смыслу": он углубляет его, придает ему новые оттенки, объединяет слова с разным значением, требует осознания чита-

телем глубинного значения» [9, с. 388]. В поэзии И.А. Бунина корнесловный повтор также выступает как способ создания «прибавочного элемента» и «сверхсмысла»: *И в дали, таинственной и зыбкой, / Из-за гор восходит солнца свет – / Точно горы светлою улыбкой/ Отвечают братьям на привет*(«Утро») [2, с. 54]. Игра на однокоренных словах позволяет сформировать смысл «высшая радость жизни», объединяя слова *свет* и *светлый*, которые имеют разные значения в этом контексте. Посмотрим на другой пример: в стихотворении *Таинственно шумит лесная тишина, / Незримо по лесам поет и бродит Осень... <...>Но в шумном ропоте и песне безнадежной/ Я слышу жалобу: в ней тихая печаль* («Таинственно шумит лесная тишина») [1, с. 61-62] чередование трех пар однокоренных слов вызывает у нас ощущение, будто тишина громче всего из того, что мы слышим, и сильнее всего из того, что мы ощущаем. Здесь корнесловные повторы преодолевают обычный смысл слова *тишина* и вскрывают в нем «сверхсмысловую» сущность – чрезвычайную тревогу. Как отмечает Д.С. Лихачев, «сверхсмысл» появляется только в контексте, вне которого такое ощущение и смысл слова полностью отсутствуют [9, с. 384].

Согласно результатам нашего исследования корнесловный повтор играет важную роль в образной детализации мира, творимого И.А. Буниным. Он конкретизирует не только свойства предметов и явлений, но и динамику действия, ускорение или замедление процессов. Такая функция особенно наглядна в следующем примере: *Сойдите, поглядите на рассвет: Бел-восток алеет, ширится, – / Широко зарей в полях, / Ни души-то нету, милые, / Только ранний алый свет/ Да холодный крупный жемчуг/ На стеблях...*(«Петров день») [1, с. 188]. Корнесловные повторы помогают показать постепенность рассвета; это событие представлено не только разворачивающимся в пространстве и во времени, но и меняющимся оттенком, благодаря чему создается живая картина природы. А в строфе *Одно только звездное небо, / Один небосвод недвижим, / Спокойный и благостный, чуждый/ Всему, что так мрачно под ним* («В окошко из темной каюты») [1, с. 52] повторение однокоренных слов *небо* и *небосвод* демонстрирует изменение направления взгляда (сверху вниз) лирического героя, который смотрит на небо из окна каюты.

Корнесловный повтор выступает также как средство высвечивания индивидуально-авторских концептов, прояснения их содержания и места в картине мира И.А. Бунина. Высокая частота повтора некоторых корней в проанализированных нами поэтических текстах, связана со значимостью соответствующих концептов не только для И.А. Бунина, но и для национальной языковой картины мира в целом. В первую очередь это СВЕТ и ТЬМА, наделенные религиозно-философским содержанием. В картине мира И.А. Бунина *свет* – это не только символ радости, счастья, но и символ Бога, Божьей любви. А *тьма*, в свою очередь, символизирует печаль, безнадежность, смерть и дьявольские силы. Еще один очень важный концепт в поэзии Бунина – ПУСТОТА, означающая одиночество, тоску и печаль, которую вызывают ушедшие молодость и жизнь. Такие смыслы могут быть продемонстрированы в стихотворении «Березка»:

*На перевале дальнем, на краю
Пустых небес, есть белая березка:*

*Ствол, искривленный бурями, и плоско
Раскинутые сучья. Я стою,
Любуясь ею, в желтом голом поле.*

*Оно мертво. Где тень, пластами соли
Лежит мороз. Уж солнца низкий свет
Не греет их. Уж ни листочка нет
На этих сучьях буро-красноватых,
Ствол резко-бел в зеленой пустоте...*

*Но осень – мир. Мир в грусти и мечте,
Мир в думах о прошедшем, об утратах.
На перевале дальнем, на черте
Пустых полей, березка одинока.
Но ей легко. Ее весна – далеко [1, с. 258].*

В завершение добавим: повтор однокоренных слов является одним из способов создания мелодичности и созвучий, что наряду со сближением клю-

чевых слов позволяет обеспечить поэтическому тексту смысловую и структурную целостность.

Проведенный анализ позволяет нам сделать вывод, что корнесловный повтор является важным художественным приемом в идиостиле И.А. Бунина. Он обладает определенными формальными свойствами, обеспечивающими большое разнообразие комбинаторики при построении поэтических текстов. Этот прием позволяет выделять ключевые слова, создавать приращение смысла и «сверхсмысла», а также играет важную роль в образной детализации, показывая свойства предметов и характер протекания действий. Он служит средством высвечивания важных для индивидуальной картины мира И.А. Бунина концептов. Наконец, корнесловный повтор создает созвучия, помогая оформлять смысловое и структурное единство поэтического текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бунин, И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах [Текст] / И.А. Бунин. – М.: Воскресенье, 2006. – Т. 1. – 576 с.
2. Бунин, И. А. Собрание сочинений в 4 томах [Текст] / И.А. Бунин. – М.: Правда, 1988. – Т. 1. – 477 с.
3. Гиндин, С.И. Внутренняя организация текста: элементы теории и семантический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.00 [Текст] / С.И. Гиндин. – М., 1972. – 23 с.
4. Грек, А.Г. Корнесловный повтор как элемент композиции поэтического текста (на материале творчества Вяч. Иванова) [Текст] / А.Г. Грек // Поэтическая грамматика. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 186–206.
5. Зубова, Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект [Текст] / Л.В. Зубова. – М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.
6. Катаян, Р. Полифункциональность равноуровневых языковых повторов в текстах русских народных сказок (на материале сказок из сборника А.Н. Афанасьева): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Р. Катаян. – М., 2017. – 208 с.
7. Ковтунова, И.И. Композиционные повторы в стихах А.А. Блока [Текст] / И.И. Ковтунова // Поэтическая грамматика. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 177–205.
8. Кожевникова, Н. А. Словообразовательный повтор в художественном тексте / Н. А. Кожевникова, Н. А. Николина // Избранные работы по языку художественной литературы. – М.: Знак, 2009. – С. 823–833.
9. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы [Текст] / Д.С. Лихачев // Избранные труды: в 3 т. – М., 1987. – Т. 1. – С. 260–654.
10. Надежкин, А.М. Корневой повтор в художественной речи М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Алексей Михайлович Надежкин. – Нижний Новгород, 2015. – 208 с.
11. Надежкин, А.М. Терминообозначение «корневой повтор» в теоретическом освещении [Текст] / А.М. Надежкин // Вестн. Нижегород. ун-та им. И.И. Лобачевского. – 2014. – №1(1). – С. 448–453.
12. Тынянов, Ю. Н. Проблема стихотворного языка [Текст] / Ю. Н. Тынянов. – Л.: Academia, 1924. – 138 с.